

ГЛАВА 1

---

18 ФЕВРАЛЯ, 2021 ГОДА

Белизна. Бесконечная, безликая, ошеломляющая белизна. Настолько ослепительная, что болят глаза. Красивая и жуткая одновременно.

Наконец-то я прибыла на край земли, точнее, к самой южной ее части.

И здесь нет абсолютно ничего.

— Ты в порядке?

Голос Джима едва различим над гулом двигателей «Баслера»*. Я киваю, хотя это совсем неправда. Я измотана. Устала до боли в костях, до онемения. Прошло только три дня моего путешествия, но все уже начинает казаться сюрреалистичным.

Это *и есть* сюрреалистично, решаю я, пока мы летим к сердцу континента, где пики и ледники сменяются странными ледяными структурами, которые, в конце концов, переходят в купол С**, бесконечную равнину

---

* Basler BT-67 — современная модификация американского ближнемагистрального транспортного самолета Douglas DC-3. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Dome C — расположен в Антарктике на высоте 3233 метров над уровнем моря, является одним из вершин или «куполов» антарктического ледяного покрова.

снега, исполосованную как замерзшее море, одинаковую во всех направлениях. Неудивительно, что эти земли называют Белым Марсом — это самое холодное и самое заброшенное место в мире.

Мой новый дом на следующие двенадцать месяцев.

Впервые с того момента, как я вылетела из Хитроу в Окленд, я чувствую толику сомнения. Предвкушение сменяется нерешительностью.

Когда я читала описание вакансии, сидя в тепле и безопасности квартиры в Бристоле, это казалось хорошей идеей — год в качестве доктора на полярной станции в Антарктике, — это звучало, как приключение, и я подходила по всем пунктам: большой опыт в неотложной медицинской помощи, базовая хирургическая практика, никаких серьезных проблем со здоровьем. Плюс решающий довод — приступить нужно немедленно.

Но даже при всем этом я не ожидала оказаться в этом крохотном самолете над милями и милями льда. На должность на новой исследовательской базе мог претендовать кто угодно. Каковы были шансы, что они выберут именно меня?

И все же я здесь, вопреки всему.

В предвкушении. И ужасе.

— Еще пару часов, и мы на месте.

Джим тянется за мое сиденье и достает сэндвич, протягивая мне упаковку. Я разворачиваю ее без энтузиазма. Свежие еще два дня назад, когда мы покинули Новую Зеландию, салат и помидоры стали поникшими, а хлеб непривлекательно размок.

Терпи, Кейт, говорю я себе, глотая через силу. Это одни из последних свежих овощей, которые я съем за многие месяцы, после того, как закончатся запасы в

ящиках. Это предпоследний рейс до Антарктической станции Объединенных Наций, более известной как АСН. Когда последний самолет увезет членов летней команды, никто не сможет добраться до нас еще более полугода.

Желудок сжимается от этой мысли. Справлюсь ли я? Если на то пошло, справятся ли остальные двенадцать членов зимней команды? Хотя это казалось терпимым, почти подвижническим во время четырехнедельного интенсивного курса в Женеве, но здесь и сейчас, столкнувшись с необъятными антарктическими просторами, я начинаю осознавать леденящую реальность того, во что ввязалась.

Все же я читала некоторые пугающие истории. Слухи о людях, сходящих с ума, дестабилизированных изоляцией и постоянной темнотой, тяжестью жизни в таком маленьком коллективе. Повар на Мак-Мердо, большой базе США, напавший на коллегу с молотком-гвоздодером. Австралийский сотрудник, ставший таким агрессивным, что его пришлось запереть в кладовой на несколько месяцев. Сварщик-пьяница из России, пырнувший ножом инженера-электрика в приступе ярости.

Неудивительно, что некоторые станции не разрешают новым работникам встречаться с покидающими базу зимовщиками.

Вот дерьмо!

Самолет механически дребезжит и неожиданно ныряет вниз. Несмотря на смягчающий эффект таблеток, которые я выпила перед посадкой, у меня перехватывает дыхание, и в течение нескольких секунд чистого ужаса я уверена, что мы сейчас рухнем на безжалостный лед.

Мгновение спустя мы снова летим ровно.

— Эй, расслабься. — Джим сжимает мою руку. — Он так делает время от времени. Чуток холодновато для двигателей.

Я хихикаю в ответ на преуменьшение австралийца — снаружи минус сорок.

— Извини. Меня не назовешь лучшим пассажиром в мире.

— Не беспокойся, — улыбается он. — Ты в хорошей компании. У меня был один парень в прошлом году, инженер, уж он-то должен был разбираться в авионике, а все равно рыдал большую часть обратного перелета. Ты еще хорошо держишься.

Я смотрю на него с благодарностью, но сердце все еще быстро колотится. Если что-то пойдет не так, если мы разобьемся или будем вынуждены пойти на экстренную посадку, шансы на спасение ничтожно малы. Мы можем замерзнуть насмерть за несколько минут.

Я засовываю руки под бедра, пытаюсь скрыть дрожь, но мое тело бунтует — я чувствую прилив тошноты. О боже, пожалуйста, только не сейчас. Я крепко зажмуриваю глаза, слезящиеся от немеркнущего блеска солнца на льду, медленно и глубоко дышу.

Лисьи глаза блестят, глядя на меня в свете фар, и мир начинает кружиться.

Прекрати, Кейт, шиплю я тихо, отгоняя картинку.

Просто прекрати.

— Хочешь взглянуть на свой новый дом?

Я просыпаюсь от звука голоса Джима, удивляясь, что задремала. Прижимая лицо к окну, прищуриваюсь, глядя туда, куда он показывает. Сначала ничего не видно, кроме белизны и темно-голубого купола неба над

ней. Но постепенно, когда глаза приспособляются к свету, я различаю маленькую группку прижимающихся друг к другу зданий на широкой плоской равнине внизу. За ними, на некотором расстоянии, возвышается высокая серебристая башня.

Мы на месте, понимаю я, дрожа от предвкушения.

Полярная станция.

Крохотный оазис во всей этой пустоте.

По мере приближения в поле зрения появляются два более высоких светло-серых здания. Несколько маленьких приземистых строений рассыпаются точками вокруг. Между ними снег, исполосованный пересекает множеством дорожек.

Джим, сидящий возле меня, полностью сосредоточен, настраивая кнопки и переключатели на приборной панели, пока мы снижаемся к посадочной полосе. Если это можно так назвать. Когда мы направляемся на посадку, я вижу, что это просто длинная полоса спрессованного снега. Страх прорывается снова, сжимая горло. Я крепко хватаюсь за сиденье, в то время как земля несется нам навстречу.

— Не волнуйся. — Джим поглядывает на меня и ухмыляется. — Я делал это тысячи раз.

Маленький самолет дергается и дрожит, когда колеса ударяются о лед. Я выдыхаю, облегчение наполняет меня, пока мы резко сбавляем скорость, останавливаясь за несколько сотен метров от основных зданий. Два самых больших, как я теперь разглядела, возвышаются на три этажа, стоя на массивных стальных подпорках, поддерживающих их над заметающим пустыню снегом. Несколько фигур спускаются по лестнице, направляясь к нам.

— Ну вот. — Джим откидывается в кресле, потирая шею. — Дом, милый дом.

Я слабо улыбаюсь, мое сердце все еще колотится под влиянием адреналина от посадки.

— Готова? — Он застегивает парку.

— К чему?

Мгновение спустя я получаю ответ. Когда Джим открывает дверь самолета, до невозможности холодный воздух врывается внутрь, и легкие перехватывает от шока. Несмотря на пуховик и спецодежду, это похоже на столкновение с чем-то твердым. Воздух словно атакует меня. Я пытаюсь дышать ровно, но легкие горят. Спешно поднимаясь с сиденья, чтобы поскорее почувствовать устойчивую опору под ногами, я ощущаю, как влага у носа, глаз и губ мгновенно замерзает. Даже в очках отражающийся от снега солнечный свет ослепляет.

Следующее, что меня поражает, это тишина. Густая, почти окутывающая.

Звук чистой пустоты.

Я делаю несколько шагов, но затем спотыкаюсь, ошеломленная, дезориентированная. Рука хватается меня за предплечье.

— Осторожней. Нужно несколько минут, чтобы освоиться.

Я смотрю в лицо надо мной. Или, скорее, на кусочек щетины на маленьком участке обнаженной кожи незнакомца. Все остальное закрыто от макушки до пят термоустойчивой одеждой, огромные светоотражающие очки скрывают глаза. И все же я могу сказать, что он выглядит хорошо. Что-то в его тоне, в уверенной подаче себя подсказывает мне это.

— Эндрю, — он протягивает мне руку в перчатке. — Но все зовут меня Дрю.

— Кейт, — я слабо принимаю рукопожатие.

— Добро пожаловать на дно мира, — говорит он с легким американским акцентом, а затем поворачивается, чтобы представить своего спутника. — Это Алекс.

Алекс кивает мне, затем отправляется помочь Джиму разгрузить ящики из задней части самолета. Я чувствую легкий укол разочарования, но тут же отгоняю от себя эту мысль.

Чего я ожидала? Торжественного парада?

— Пойдем внутрь, — зовет Дрю, прежде чем повернуться к пилоту. — Ты останешься ненадолго?

— Подойду через минуту. Ставьте чайник, — предлагает Джим.

Дрю подхватывает мои тяжелые сумки так, будто они невесомые, и направляется к ближайшему зданию. Я следую за ним. Ходить здесь непривычно, снег совсем не похож на тот мягкий слякотный снежок, иногда выпадающий дома. Это совсем другое чудовище — твердое, кристаллизованное, скрипящее и стонущее под подошвами. Здесь редко падает снег — над куполом С так мало осадков, что это практически пустыня — но когда это случается, снег остается, накапливаясь тысячелетиями в лед толщиной несколько километров.

По мере приближения к станции тишина уступает место жужжанию и пиканью, свидетельствующим о деятельности внутри. Звук жизни. Генераторы, инструменты, все, что нам нужно для поддержания себя в таком враждебном окружении. Без этих машин мы бы быстро умерли.

— Хорошо добрались? — Дрю останавливается, дожидаясь, пока я его догоню. Я задыхаюсь от тяжелых усилий, потраченных на эту короткую прогулку. Высо-

та, напоминаю я себе, мы находимся на три тысячи восьмьсот метров над уровнем моря, и воздух настолько же разрежен, как и холоден.

— Ты прилетела аж из Лондона, да?

Я киваю.

— Первый раз в Антарктике?

Я снова киваю, слишком выбившись из сил, чтобы говорить.

— Привыкнешь.

Когда мы подходим к ближайшему зданию, Дрю останавливается показать мне «Юнион Джек», висящий над дверью среди разнообразия флагов.

— Будешь делить его с Элис, но я уверен, что ты не против.

— А тот, значит, для тебя? — Я указываю на американский флаг в конце.

— Ага. Родился и вырос на Среднем Западе.

Повинуясь импульсу, я вытаскиваю телефон из кармана, стаскивая перчатки, чтобы листнуть иконку камеры и заснять момент моего прибытия. Но прежде чем я успеваю сделать фотографию, экран в буквальном смысле замерзает, покрываясь легкой коркой льда.

— Черт, — я недоверчиво пялюсь на него, прежде чем засунуть обратно в куртку уже ноющими от холода пальцами.

— Да, телефоны плохо работают при таких температурах, — замечает Дрю. — Не волнуйся, с ним все будет в порядке.

Мы забираемся по дюжине алюминиевых ступенек к входной двери, и от усилия у меня начинает кружиться голова. Секунды спустя я оказываюсь во внушительного размера комнате, забитой полным ассорти-

тиментом уличного обмундирования: пальто и парки на вешалках, снежные ботинки разных размеров, выстроенные внизу. Очки и теплые шапки разложены на полках.

В углу сноуборд и несколько пар лыж. Я хмурюсь, глядя на них в недоумении. Наверняка здесь слишком плоско для всего этого?

Дрю смотрит туда же.

— Нескольким парням нравится кататься, привязав их к снегоходу. Тебе стоит как-нибудь попробовать, — он передает мне пару синих кроссов. — Эти вроде подойдут по размеру.

Я сажусь на пустую скамью, снимаю куртку и ботинки, стуча зубами, и переобуваюсь в тапки.

— Спасибо. Я отдам, когда распакую вещи.

— Оставь себе. Кто-то из летней команды забыл их. У нас целая комната забита никому не нужными вещами. Все, что тебе понадобится, просто попроси у Раджива: помимо готовки, он заведует запасами, что приравнивает его к Богу у нас на станции.

Я улыбаюсь, пытаюсь не глазеть на Дрю. Теперь, когда он снял обмундирование, вижу, что интуиция не подвела. Он обескураживающе красив. Высокий, с короткими русыми волосами, темно-кариими глазами и такими точеными чертами, которые уместно смотрелись бы в глянцево-журнале.

Я тут же чувствую себя неловко и инстинктивно отворачиваю щеку от его взгляда. Потом останавливаю себя. Зачем ее прятать? Он все равно заметит.

— Пойдем, сделаем тебе чашку отличного чая, — говорит Дрю, ужасно имитируя акцент кокни.

— Было бы чудесно. — Я трясусь так сильно, что голос дрожит, будто от нервного напряжения.

— Согреешься и познакомишься со всеми. Каро испекла торт в твою честь.

Я следую за ним из прихожей, через сеть коридоров, покрашенных в блеклые учрежденческие цвета, напоминающие о больнице. Я необъяснимо нервничаю перед встречей с людьми, с которыми буду заперта следующие десять месяцев.

Что, если я им не понравлюсь?

Не глупи, Кейт. Это не школа. С чего бы ты им не понравилась?

Дрю ведет меня в большую комнату, которая, как я предполагаю, служит общей гостиной. Высокие панорамные окна выходят на пустынный ледовый простор. Относительные тепло и комфорт внутри, диваны и кресла, лампы и книжные полки, заваленные книгами в мягких обложках и зачитанными журналами, резко контрастируют со смертельным холодом за стеклом.

Около дюжины людей смотрят на нас, когда мы входим, и мое лицо застывает в зажатой улыбке, пока Дрю представляет их одного за другим. Я пытаюсь соединить каждое имя и должность с лицами, когда они по очереди встают, чтобы обнять меня или пожать руку. Раджив Шарма, шеф, легко запоминается с его коротко остриженной бородой и аккуратным голубым тюрбаном. Соня Обенг, канадский метеоролог, тепло приветствует меня, немного сглаживая мою нервозность. Люк де Веес, датчанин, работающий здесь электриком, настолько высокий, что если бы он вытянул руки, смог бы достать до потолка. Сантехник из Новой Зеландии, Каро Хиндс, и Элис Мунро, изучающий атмосферу академик из Эдинбурга. Том Вебер, выглядящий смущенным менеджер по управлению

данными из Мюнхена, чей взгляд почти не встречается с моим — единственный, как я заметила, кто носит очки. Роб Хуанг, тоже австралиец, менеджер по коммуникациям, похожий на модного дизайнера в его облегающей черной одежде и с осветленными волосами. Плюс Аркадий Васильев, из России, большой, смахивающий на медведя мужчина лет за сорок, занимающийся обслуживанием генераторов.

Это не считая разномастные остатки летней команды, но они должны уехать на следующей неделе.

Ни следа Сандрин Мартин, начальницы станции, осознаю я. И Алекса, парня, которого я встретила на улице, тоже нет.

Когда знакомство окончено, повисает неловкая тишина. Все старательно избегают смотреть на мою левую щеку.

— Что насчет обещанного чая? — предлагает Дрю, когда я усаживаюсь на незанятый стул. — Ты как пьешь?

— С молоком. Без сахара. Спасибо.

— Боюсь, у нас только сухое молоко, — говорит Элис, взглянув на мой шрам и снова отводя взгляд. — Но ты привыкнешь. — Темно-русые волосы, бледно-голубые глаза — они с Дрю могли бы быть братом и сестрой. Она поразительно симпатичная — стройная, с тонкими чертами лица и мягким шотландским акцентом.

— Могу поспорить, ты измотана, — добавляет она, и я морщусь. Я могу только представить, как отвратительно выгляжу. Я почти не спала с тех пор, как покинула Хитроу, и у меня не было сил наносить макияж перед последним полетом с Джимом. В любом случае какой смысл? Увечье на моем лице никак не скрыть.

Теперь, однако, я жалею, что не приложила усилий. Я чувствую себя грязной и потной, волосы жирные после трех дней без мытья. Больше всего я хочу погрузиться в забвение долгого купания в горячей воде.

Но сейчас это невозможно. С ограниченным запасом воды и электричества о ваннах не может быть и речи — душ на базе ограничивается двумя минутами каждый второй день.

Очередная вещь, к которой придется привыкнуть.

— Ты в норме? — Каро передает кусок шоколадного торта, который она испекла для меня.

— По правде говоря, ужасно устала, — признаю я.

— Неудивительно. — Она пододвигает стул поближе. — Я вырубилась на пятнадцать часов, когда прибыла, а ведь прилетела всего лишь из Окленда.

На это шансов нет, думаю я. Не могу вспомнить последний раз, когда проспала полных восемь часов. Частично от безжалостного режима работы в неотложке, отчасти потому, что после аварии перестала нормально спать.

— Ты из Окленда? — спрашиваю я, изучая ее короткую панковскую прическу и пирсинги в ушах и носу. Не настолько впечатляющая, как Элис, но красивая в своей, сдержанной манере. В противоположность цветочному топу и черным легинсам Элис, на ней мешковатый комбинезон и выцветшая оранжевая футболка.

— Недалеко от Данидина. У родителей там была скотная ферма. Но я жила в Куинстауне пять лет.

Люк плюхается рядом с ней, расставив свои длинные ноги так широко, что Каро приходится подвинуться на край дивана.

— Ты откуда? — спрашивает он, жуя торт и даже не пытаясь спрятать изучающий взгляд, направленный на мое лицо.

— Бристоль, на юго-западе Англии. Но выросла я в Суррее.

Он кивает, хоть я предполагаю, что ему это ни о чем не говорит.

— Амстердам, — произносит он, прежде чем я успеваю спросить. — Но моя мама англичанка.

Я улыбаюсь, так и не придумав остроумного ответа. Голова ватная, и похоже у меня начинается серьезная мигрень. Я отчаянно хочу накачаться таблетками, заползти в кровать и отключиться или хотя бы попытаться. Вместо этого, я попиваю чай из чашки, поданной мне Дрю, и понемногу подьедаю торт Каро, хотя я слишком устала, чтобы чувствовать голод.

Сделай усилие, подбадриваю я себя. Первое впечатление и все такое.

К счастью, от дальнейшей болтовни меня спасает прибытие темноволосого мужчины в компании строго одетой авторитетной женщины лет пятидесяти. Это, должно быть, Сандрин, начальница станции.

— Привет. Я Кейт. — Я встаю, протягивая руку.

— Я знаю, — отрывисто отвечает она с французским акцентом, что почему-то делает ее еще более внушительной. — Добро пожаловать в АСН, — она без стеснения смотрит на мой шрам несколько секунд, а затем представляет мужчину позади нее: — Это Рафаэлло де Марко, доктор, которого ты заменяешь.

Рафаэлло широко улыбается мне.

— Приятно познакомиться, — говорит он на идеальном английском, — пусть и на короткое время. Приношу извинения, что так поспешно уезжаю.

— Что ты имеешь в виду? — недоумеваю я. Он должен улететь на следующей неделе.

Доктор выглядит слегка пристыженным. Он бросает взгляд на Сандрин, но она молчит.

— Тебе никто не сказал? — спрашивает он. — Я уезжаю сегодня.

Я тупо смотрю на него, не понимая. *Он уезжает?* Рафаэлло должен был провести следующую неделю, передавая мне рабочее место, помогая мне освоиться.

— Нет, никто мне не говорил.

— У Рафа заболел сын, — сухо сообщает Сандрин. Она безучастно изучает мою реакцию. Почти придиричиво, как мне кажется.

— О, мне жаль, — запинаясь я, пытаюсь скрыть страх.

— Ничего серьезного. — Рафаэлло снова одаривает меня извиняющейся улыбкой. — Но его придется оперировать, и я нужен жене дома.

— Ладно. — Мне ясно, что это звучит неискренне, но я слишком шокирована, чтобы проявить больше сочувствия. Каким образом я разберусь без его инструктажа?

Внезапно появляется Джим, жадно прихлебывая свой чай.

— Прости, друг, — он хлопает доктора по спине. — Нам нужно отправляться прямо сейчас. Только что получил предупреждение, что скоро погода ухудшится.

Рафаэлло быстро прощается в суматохе объятий и рукопожатий. Затем берет рюкзак и поворачивается ко мне.

— Я оставил файл на твоём столе вместе с инструкциями. Все будет в порядке, Жан-Люк все подробно записывал.

Жан-Люк Бернас. Французский доктор, погибший на льду два месяца назад. Причина, по которой я здесь.

— Спасибо, — говорю я автоматически. — Я надеюсь, с твоим сыном все будет хорошо.

Рафаэлло кивает, а затем исчезает. Сандрин поворачивается и уходит без единого слова.

Настроение окончательно испорчено. Я рассчитывала, что здесь будет кто-то, кто научит меня проводить все научные эксперименты и в целом поможет войти в ритм. Глупо, но я чувствую себя преданной. Покинутой. Хотя, конечно же, в этом никто не виноват.

Несколько сумасшедших секунд я борюсь с желанием побежать за ними и сказать, что передумала, что хочу вернуться домой. Я смотрю вдаль, пытаюсь взять себя в руки, затем замечаю, что Дрю внимательно за мной наблюдает.

Мои щеки вспыхивают. Я чувствую — он прекрасно знает, о чем именно я думаю.

— Пойдем, Кейт, — говорит он мягко, забирая мои сумки из угла комнаты. — Давай устроим тебя на новом месте.

ГЛАВА 2

---

18 ФЕВРАЛЯ, 2021 ГОДА

— Это твоя.

Дрю открывает дверь комнаты в дальнем конце коридора и жестом приглашает меня в миниатюрную спальню. Аккуратно застеленная двухъярусная кровать теснится в углу, шкаф из толстой темной фанеры, с простым столом и стулом, пристроенными за ним. Стены покрашены в такой же блеклый серо-белый цвет, как и снаружи.

— Тебе повезло. — Дрю опускает сумки на стол. — Твой сосед по комнате уехал на прошлой неделе, так что все это достается одной тебе.

Я осматриваю крохотное пространство, такое же тесное и скудное как тюремная камера, и представляю себе, каково делить его с еще одним человеком. Как в таких условиях вообще можно уединиться?

— Я оставлю тебя распаковываться, — говорит Дрю, отступая. — Может, после этого посмотрим базу перед ужином?

— Спасибо, — киваю я.

— Давай я вернусь, скажем, через час?

Я поглядываю на часы. Три пятнадцать по местному времени, почти полночь дома.